

ИСТОРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ Б. КАНАПЬЯНОВА

Очень многое в современном человеческом обществе теснейшим образом связано с началами человеческого бытия в истории. Проблемы социальные, семейные, культурные, художественные, традиционные, проблемы, связанные с владением территорией и др., – все это уходит своими корнями в жизнь человека, обитавшего на земле за несколько десятков тысяч лет до нас. В нашем подсознании до сих пор живут какие-то мотивы, какие-то звуки, какое-то эхо, отзывающееся из тех времен. Когда мы говорим о началах любой культуры, мы должны, прежде всего, задать себе вопрос не о том, какие материаль-

ные формы ее куют, а о том, какой дух лежит в ее основе. И пробегая мысленным взором историю цивилизации, мы всегда можем точно определить, какой дух стоит за культурой. Вот поэтому сегодня нам просто необходимо заглянуть в историю духовности, в прошлое цивилизации нашей страны и всего мира не из праздного любопытства, а для того чтобы понять глубинную и нерасторжимую связь культуры и человеческого бытия. И важно отметить при этом, что условия современного человеческого существования нисколько не посягают на национальные и «самородные» начала той или иной культуры. Более

того, именно они «диалектически укрупняют, эстетически и мировоззренчески выявляют эти начала, помогают их самоосмыслению и самопониманию» [4. 20].

Свидетельством этого является и творчество казахского поэта Бахытжана Канапьянова. Вчитаемся в его стихотворение «Рапана»:

В Салониках, у шумного порта,
 где волнами обласканы камни,
 Седой повстречался грек – рапаны показывал.
 В рапанах музыка жила,
 по чашам перламутровым разлита.
 -Послушайте Марину, – грек сказал.
 И я, закрыв глаза, все слушал, слушал.
 Из тех глубин, что видеть не дано, музыка
 на берег выходила.
 Крики чаек, голоса дельфинов перемешал
 мифический прибор.
 Ионийцам подпевал морской Эгей. Я, очарован,
 слушал их мотивы.
 Держа в руках банкноты, грек седой, не пряча глаз,
 благодарил улыбкой [4. 217].

В стихотворении, написанном свободным белым стихом, мы видим порт, где «волнами обласканы камни», «седой грек... рапаны показывал», а в них «музыка жила, по чашам перламутровым разлита». И дальше – «Из тех глубин, что видеть не дано, музыка на берег выходила». Слово в сказке! Музыка – олицетворение живого. Она радуется жизни, заставляет прислушиваться к необыкновенным историческим напевам. Чувство волшебства раскрывают и крики чаек, и «живые» волны, голоса дельфинов. Все вокруг волшебное и красиво! «Ионийцам подпевал морской Эгей»... Тот самый Эгей – царь Аттики, от имени которого, по преданию, произошло название Эгейского моря. При ошибочном известии о смерти своего сына Тесея несчастный царь бросился в открытое море.

Чрезвычайно насыщенная метафоризация рождает необыкновенный образ прошлого, таящий в себе очарование, неуловимое и удивительное переплетение воображения и мифа, фантазии и детской непосредственности. Однако, свое стихотворение автор заканчивает неожиданной строкой, возвращающей нас из сказки в суровую действительность современности.: «Держа в руках банкноты, грек седой, не пряча глаз, благодарил улыбкой». В стихотворении также встречаются элементы реализма («В Салониках, у шумного порта»), и романтизма («вол-

нами обласканы камни»), и импрессионизма («музыка... на берег выходила»). Можно ли определить по стихотворению принадлежность автора к какой-либо конкретной национальной литературе? Думается, что нет.

Перед нами поэтическое произведение конца 20 – начала 21 века, образец мировой литературы.

Еще одно стихотворение Б. Канапьянова – «Гомер и эпос», посвященное видному казахскому ученому и общественному деятелю М. Ауэзову, позволяет судить о наличии в творчестве поэта обширного контекста мировой культуры, «освоенной сознанием современного человека, легко преодолевающего все историко-географические разграничители... совершенно далеких друг от друга культурных традиций и с равной благодарностью воспринимающего их общую гуманистическую сущность» [1. 27].

-Вечность прошла, что помнишь, двойник мой,

с тех незапамятных пор?

-Все помню отару, в долину плывущую волнами с гор.

В ней будущей жертвой плакал кудрявый,

быть может, ягненок.

Но это я понял не сразу, понял спросонок.

-А что было дальше? – А дальше оставил

открытым шатер

И вышел в долину, и бился рогами костер.

И мчались к костру Шайкуйрык, Тайбурыл,

Маникер, Кокжорга,

Всадники пали и умирали от ран в плену у врага.

И тризну справляли по всадникам лошади,

выбив следы,

И – кружились, кружились, кружились лошади,

встав на дыбы.

А их жили напомнили мне в аркане сплетенном узлы,

Что кловом литым разрывали парящие в небе орлы.

А их мощные груди прочнее древних

гранитных камней,

Плит надгробных в мазарах были могучие груди

прочней.

Вздымали копыта и ржали, касаясь копытами звезд,

И там высекали небесную молнию будущих гроз.

От этих поминок в долине степной на века я ослеп.

Саркыт остался от тризны. Прими, вот – кумыс,

мясо и хлеб [4. 218].

Написанное в нетрадиционном ключе стихотворение заключает в себе диалог древнегреческого поэта Гомера, слепого странствующего певца и его двойника, нашего современника. Как и в стихотворении «Рапана» здесь яркая, неординарная метафоричность, которая способна рождать необыкновенные образы: «помню отару, плывущую волнами с гор», «бился в долине рога-

ми костер». Перед нами крошечная тьма и в ней борющийся с темнотой костер. Напряженная динамика и энергичная выразительность словно уносят читателя в историческое прошлое и помогают ощутить буйство чувств и восторг. Использование в тексте рефрена «*кружились, кружились, кружились, встав на дыбы*» рождает впечатление правды, достоверности. Подобная динамика усиливает представление об исторической истине, о том, что она существует и в нее надо поверить. Перед нами процесс мышления: мысль то уточняется, то договаривается иным выражением. Фраза то разрастается в несколько строк, изобилуя придаточными – *А их жилы напомнили мне в аркане сплетенном узлы, Что клювом литым разрывали парящие в небе орлы...*, вводными или уточняющими словами, стилистическими повторами для усиления эмоций, инверсией – *А их мощные груди прочнее древних гранитных камней, Плит надгробных в мазарах были могучие груди прочней..*, то сжимается в одно слово – *Саркыт остался от тризны...* Имена легендарных коней – *Тайбурыл, Шайкуйрык, Маникер, Кокжорга*, использование возвышенной лексики, раскрывающей понятия исторического прошлого (*тризна, шатер, мазары, саркыт*), способствуют олицетворению пространства незабываемого прошлого и, тесно соприкасающегося с ним, настоящего. И эта «действительность исторического пространства» кажется бесконечной, так как она живет в памяти каждого. История – это судьба человеческого творчества. В духовном мире, безусловно, есть восхождение, но оно совершается по совсем иным законам. Пространство – важнейшая категория для Б. Канапьянова. И это пространство в стихотворениях поэта расценивается как истина. Познавая истину, мы способны преодолеть пространство между прошлым и настоящим. И, словно, в его преодолении поэт использует образы, мотивы, реалии, сближающие нас с истиной прошлого. Текст произведения написан протяжным и древним гекзаметром, который в античной поэзии был основным размером эпоса. Последние строки стихотворения также необычны, как и его содержание в целом:

От этих поминок в долине степной на века я ослеп.
Саркыт остался от тризны. Прими, вот – кумыс,
мясо и хлеб.

В этих строках запечатлено соединение не только двух миров – прошлого и настоящего, но и двух культур – славянской и тюркской, а если говорить о стихотворении в целом – то и крупнейшей греческой. Совмещение таких слов, как казахское «*саркыт*» (гостинцы с поминок) и русское «*тризна*» говорит об этом необыкновенном слиянии. Такое понимание временного пространства ведет к рождению новой художественной целостности. Как отмечает известный литературовед В. Максимов «для творческого подхода (и в литературе, и в науке) как раз характерно умение обнаружить сходство там, где оно замаскировано, и провести аналогию между весьма отдаленными и совершенно различными на первый взгляд предметами и явлениями» [1.29]. На наш взгляд, данное явление характерно для поэзии Б. Канапьянова, так как в его произведениях такое сходство обнаруживается, прежде всего, в «семантике» жизни, в изображении прошлого и настоящего и это сближение парадоксально. «Диалог с прошлым, с мудростью прошедших веков Поэту необходим. А еще лучше сказать, Бахытжан Канапьянов как бы обладает чувством планетарного времени... Поэт ищет утраченную связь времени. Он уверен: именно в связи времен скрыт смысл жизни» – отмечает исследователь Л. Мананникова [2. 71].

Так, небольшая поэма «Крымская прогулка» представляет собой путешествие по времени:

Немой упрек уничтоженью
Пещерный град Чуфут-Кале.
Здесь камень
не подвластен тленью,
Кенасы ждут богослуженья,
Ютятся гнездами в скале.
Боярышником,
дерезою,
Шиповником в цветах оброс
Путь,
что тянулся вверх
грядую,
Века сминая под собою,
И – подаривший нам вопрос.
Впечатана здесь в древний камень
Векам раскрытая ладонь.
Я воспою ее стихами,
Гирей меня заточит в яме, но не свернет с дороги конь.
Последним стану караимом,
Мне с дервишами по пути.
И навсегда расстанусь с Крымом,
Чтоб очутиться в Третьем Риме,
В нем – линию судьбы найти [4. 79].

Данное произведение является отражением временной связи, которая соединяет две жизни:

прошлую и настоящую. Невероятно, но строгое движение мысли раскрывают многочисленные метафоры, которые заключают в себе поэтику жизни *уже минувших лет*. Так, к примеру, метафора «*Путь, что тянулся вверх грядою, Века сминая под собою, И – подаривший нам вопрос...*» раскрывает странствие по жизни, в результате которого нам необходимо найти массу ответов на *поставленные временем вопросы*. «*Впечатана здесь в древний камень Векам раскрытая ладонь...*» Данная метафора является прямо противоположной своему содержанию. Она раскрывает мысль об уже «раскрытой тайне», когда по своей сути тайна всегда должна оставаться тайной. Поэт сумел мастерски совместить «странные сближения» и направить свою мысль в нужном ему направлении – *в современность*: «*Я воспою ее стихами... Последним стану караимом, мне с дервишами по пути... В нем – линию судьбы найт и...*» Что особенно замечательно: в этом произведении трагически величественные смещения традиционных культурных пластов – жанровых, стилистических, стиховых – очевидны. Как очевидно и то, что произведение заключает в себе новое интеллектуальное содержание.

И вот она связь времен: настоящая жизнь и создания минувших веков находятся в состоянии взаимопроникновения. По разную сторону времен, но они иллюзорны по отношению друг к другу. Два измерения неразрывны, и одарены взаимно жизнью в постоянно, вечно длящейся цепи культурной преемственности.

Диалог с прошлым в творчестве Бахытжана Канапьянова мы можем обнаружить и в форме создания произведений. Так, ярким примером этого является, созданный поэтом, необычный жанр лирического произведения – *векзаметр*. Этот неологизм по своему звучанию схож с античным *гекзаметром*, которым сложены такие произведения как «Илиада» и «Одиссея». Гекзаметр – «шести-стопный дактиль с хореическим окончанием...» [3. 117]. Гекзаметры медлительны, неторопливы и торжественны. Именно подобным образом можно размышлять об историческом прошлом, об уходящих событиях, об ушедшем времени. Как отмечает исследователь Мананникова Л. «Илиада» и «Одиссея» написаны гекзаметром. Поэт, ни в коем случае не соперничая с древним автором, а черпая в них истоки мудрости, пытается с помощью *векзаметров* отыскать, вычислить свою излюбленную связь времен» [2. 72].

Век уходящий, за твоим перевалом двухтысячный год
Клубки календарные катит в эпоху грядущих дорог.
На спицах антенн петли мы вяжем – тянется,
тянется нить.

Проступят узоры твои в беспредельных глубинах души.
И пунктирами мысли легли на полотна
контурных карт.
Из хаоса в космос уходит векзаметр –
вектор Вселенной.
Миф вплетается в явь – не раз угрожала
Галлея хвостом,
Беспечность толпы на время сметала она. Исчезла...
[4. 212].

Или:
Где гекзаметр жизни пролегал,
спотыкаясь о запятые,
Там камень точкой предстанет –
и строку навсегда оборвет [5. 11].

Стихам Б. Канапьянова присущи подлинные пережитые чувства, романтическое восприятие бытия. В данных произведениях поэт вновь связывает эпохи прошлого и настоящего, находя в них вечную нить памяти и жизни. Не даром гласит пословица «Все новое – хорошо забытое старое». Попытка человека самоутвердиться, создать свои нормы, в том числе и нравственные, приписать себе право распоряжаться и природой, и нравственностью лежит в глубине всеобщего человечества. Но преодолеть эти сложные вершины невозможно без учета того, что было создано уже до нас. Человеку важно понять свои духовные и физические корни, которые способствуют развитию сегодняшнего общества, современного мира, цивилизации в целом.

Таким образом, корень духовного становления человека – устремленность к вечному, и это касается не только великих творцов, не только эпохи великих творческих взлетов, но и повседневной жизни каждого из нас. В своем творчестве Б. Канапьянов побуждает читателя к душевной сосредоточенности, активизирует энергию, таящуюся в глубине сознания каждого через понимание духовной культуры, ее преемственности в историческом прошлом и современной действительности. И, хотя цель подобного восхождения для всех одна, путь к ее осуществлению глубоко индивидуален для каждого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимов В. Свет кочевой звезды. М., 2000.
2. Мананникова Л. Стихи под взглядом неба. Алматы, 2002.
3. Словарь иностранных слов. М., 1980.
4. Канапьянов Б. Смуглая луна. Алматы, 2005.
5. Канапьянов Б. Линия судьбы. Алма-Ата, 1987.